

ВВЕДЕНИЕ

«Центральная Азия: традиция в условиях перемен» — практически неисчерпаемая тема. Реализация этого проекта рассчитана на длительную перспективу. Соответственно, представленный первый выпуск сборника задуман как первый шаг, который является и пробным камнем на пути освоения широкого круга историко-культурных, сравнительно-этнографических и религиоведческих проблем, исследование которых предполагается осуществить в рамках сформулированной программы.

Необходимость изучения обозначенной темы продиктована самой жизнью. Перемены, которые в настоящее время происходят в различных сферах культуры и быта в центрально-азиатских (среднеазиатских) обществах, казалось бы ориентированных преимущественно на традиционные ценности, затрагивают многие устоявшиеся тысячелетиями нормы и принципы бытия местного населения. Постепенно начинают разрушаться стереотипы, устойчивость которых еще недавно не вызывала сомнений. Именно тут возникает проблема, интерес к которой для науки трудно переоценить. Она состоит в необходимости изучения характера реагирования элементов традиционных стереотипов на процессы, происходящие под воздействием потока, скажем, внешних раздражителей. Наблюдения показывают, что в одном случае культура сохраняет устойчивые элементы, в другом — постепенно приспособляясь к новым условиям окружающего мира, начинает выходить на качественно новый уровень. В потоке процессов перехода определенных элементов традиционной культуры из интровертной позиции в экстравертную наблюдаются и тенденции «возвращения» некоторых черт историко-культурного опыта, в разное время отпавших, так сказать, в отставку. Примером тому может служить время расцвета мусульманского самосознания начиная с конца 80-х годов прошлого века. Парадокс в том, что «возвращение» ислама состоялось после 70-летней борьбы, которую вела с ним советская власть¹.

Таким образом, в основе проблемы, которая вытекает из происходящих перемен на постсоветском центрально-азиатском пространстве, лежит комплексное изучение культуры народов этого региона, как кочевых, так и оседлых, в аспекте осмысления характера и специфики приспособления религиозных и мировоззренческих концепций к условиям, возникающим в результате неукротимого потока преобразований, обусловленных толчком извне. На первый план выходит задача всестороннего вскрытия, с одной стороны, преемственности традиционного ядра культуры, продолжающего сохранять свою устойчивость, с другой — анализа динамики культурных явлений. Изучение современных процессов средствами этнографии возбуждает интерес и по другой причине. Ее суть состоит в том, что осмысление этих перемен позволяет исследователю одновременно оглянуться назад, предпринять попытку проникнуть в область последствий и результатов

прошлых исторических событий, неоднократно менявших картину мира народов Центральной Азии. Таким образом, открываются пути, ведущие к пониманию отклика культуры и религии местного населения на «зов» времен в более отдаленные исторические эпохи. Достаточно вспомнить советский период истории (это подтверждают и реалии нашей жизни), чтобы представить себе, как каждое новое время естественным образом что-то выталкивает из области традиции навсегда, транслируя в привычные элементы своего предпочтения, что-то сохраняет, а в какие-то стереотипы культуры внедряет необходимые изменения. Это означает, что разнообразные явления культуры могут быть рассмотрены как в условиях «их» исторического существования, так и в контексте характера их преемственности.

Можно вспомнить немало примеров, иллюстрирующих уход элементов центрально-азиатской традиции во мглу времен навсегда. Наиболее показательный из них связан с завоеванием региона арабами. В результате покорения ими обширного пространства в центре Азии произошла радикальная переориентация населения — от прежнего религиозного учения, зороастризма, на новое, основанное на заповедях пророка Мухаммада. Было ли обращение местного населения к исламу тотальным или оно допускало определенные элементы толерантности к доисламским символам веры — лейтмотивом решения этого вопроса должно стать осмысление как минимум двух принципиально важных проблем, относящихся к реальному миру ислама в Центральной Азии. Одна из них предполагает рассмотрение этого учения под углом зрения *ислама единого*, нормы и принципы которого, как и в других странах традиционного распространения ислама, определяют стратегию религиозного поведения верующих; в этом случае разговор о плюрализме и толерантности новой религии окажется скучным и поэтому теряет всякий смысл. Другая проблема ориентирует на исследование наследия пророка новой религии в контексте *ислама регионального*². Следуя в этом направлении, можно заметить, что принципы местного ислама вполне допускают определенные черты сочетания профетической религии с проявлениями доисламских религиозных обрядов, ритуалов и символов. В этом случае рассуждения о терпимости этой религиозной системы могут оказаться весьма содержательными. Попытаемся проиллюстрировать это на редко замечаемом исследователями примере, который находится еще на стадии осмысления³. Речь идет о специфике женской религиозности в центрально-азиатской среде. Наблюдения показывают, что выполнение местными женщинами религиозных обязанностей на основе предписаний господствующей религии, при отчетливом осознании себя мусульманками, носит весьма символический характер. В значительной степени они находятся во власти доисламских верований, что видно на примере оперирования ими огнем практически во всех сферах традиционной обрядности — родильной, свадебной, мортальной, календарной и различных практиках, носящих этномедицинский (знахарский) характер. В Бухаре и ее окрестностях можно видеть ныне закрытые женские святилища огня при культовых

зданиях — *мазар*'ах, которые ассоциируются с именами реальных или мнимых мусульманских святых. Они были закрыты сравнительно недавно. Этот факт еще ждет исследовательского внимания.

Такому порядку вещей предположительно могло способствовать то, что переориентация женщины в покоренной исламом Центральной Азии — от прежних установок восприятия мира и себя к новым для пророческой религии — оказалась проблематичной, нужно думать, из-за прочности корневой системы доисламских поверий и представлений. В этой ситуации новая религия оставляет эти нормы в неизменности, демонстрируя тем самым проявление своей толерантности по отношению к доисламским ценностям. Такое отношение к картине женского мира создало благодатную почву для формирования специфики собственно женской интерпретации ислама в центре Мусульманской Евразии. Невозможность направленного обращения центрально-азиатской женщины в лоно ислама, видимо, была связана также с непреодолимостью женского затворничества⁴. Так или иначе, в этом районе мира складывается почти уникальная ситуация, когда ислам постепенно становится религией преимущественно мужчин. Что касается женщин, они продолжают оставаться во власти доисламских поведенческих стереотипов. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что отношение ислама к затворничеству женщины в этом районе мира лучше всего иллюстрирует его связь с наследием вытесненных им религий.

Существует еще проблема, связанная с истолкованием идеальной модели господствующей религии. Одно из его проявлений находит воплощение в отношении ислама классического (раннего), призывающего к возврату ислама времен пророка Мухаммада, и ислама постклассического, взывающего к культу святых. Данный аспект проблемы для исследования центрально-азиатской религиозной проблематики является достаточно актуальным. Это можно почувствовать по представленной в данном выпуске сборника работе Н.С. Терлецкого.

Прослеживая традицию в условиях исторических перемен, нужно сказать о бесконечных набегах тюркских скотоводческо-кочевых племен и нашествиях культурно с ними связанных монголов на Центральную Азию. Тюрки и монголы (в отличие от арабов, принесших в регион учение пророка Мухаммада), инстинктивно руководимые стремлением к грабежу и добыче чужого добра, кроме власти от насилия и господства над покоренными, не могли предложить им позитивные жизненные ценности или нравственные идеалы. Феномен походов обитателей юрт в оазисы Центральной Азии состоит в том, что в процессе бесконечных войн, смыслом которых было стремление к добыче, и постепенного оседания в районах древней традиции оседло-земледельческой культуры с развитой государственностью они подчинили себе покоренные народы в основном политически. Как это ни парадоксально, не покоренным приходилось приспосабливаться к культурным ценностям завоевателей, а наоборот, сами завоеватели вынуждены были во многом адаптироваться к картине мира, существующим жизненным принципам, языкам, культуре, искусству и формам

социальной организации автохтонного населения покоренных ими районов; известно, что и письменность они восприняли в этой среде. Тем не менее в результате торгово-экономического и других форм созидательного культурного взаимодействия кочевых обществ и оседлой цивилизации начиная с раннего средневековья, а затем и близких контактов пришлого тюркоязычного и местного ираноязычного населения (когда отчетливо наметились черты существования смешанных ирано-тюркских этносов), в этом районе мира сформировалась на редкость многоцветная культура, изучение которой в ключе особенностей историко-культурной традиции для этнографа представляет собой широкое поле деятельности.

Из сказанного вытекает проблема «изначальной» и приобретенной культуры. Таким образом, проследив поведение стереотипов культуры в условиях масштабных перемен, можно понять, как те или иные их элементы реагируют на ветер времен, увидеть, что сохраняет свою «первоначальную» интровертность и что выходит на экстравертные просторы. При таком подходе открывается перспектива для более углубленного рассмотрения процессов адаптации, трансформации, а также исчезновения некоторых стереотипов культуры не только в условиях складывания капиталистических отношений, но ретроспективно и в условиях многократной смены населением региона своей религиозной, идеологической, социально-политической и экономической ориентации. В принципиальном плане эти направления определяют нацеленность авторского коллектива представленного выпуска сборника.

Избранный подход позволяет проследить сложный путь развития ключевых аспектов системы поверий и религиозных представлений народов одного из крупнейших ареалов мусульманского мира в огромном временном диапазоне. Важным направлением изучаемой проблематики является многоцветная культура местного населения в ее материальном (жилище, одежда, пища) и духовном (система традиционных обрядов и ритуалов) аспектах. Таким образом, в поле зрения исследователя оказываются механизмы, с одной стороны, сохранения устойчивых форм культурных традиций народов региона, с другой — изменения (вплоть до разрушения) некоторых самобытных черт их культуры под воздействием внешних влияний. В этом плане очевидны и переживаемые в последние полтора столетия изменения в центрально-азиатском обществе. Совершенно естественно, что колонизация региона, последовавшая за ней установление советского строя и, наконец, постсоветский период не могли (и не могут) не оказать заметного влияния на господствующую религию, культуру и этносоциальные институты. При сравнении, например, колонизации Центральной Азии Россией и ее завоевания арабами, а затем и тюрко-монгольскими степными кочевниками выясняется, что царская Россия в отличие от арабов и обитателей степей, при почти нескрываемом негативном отношении к исламу, все же способствовала значительному изменению облика региона в политическом, социально-экономическом и культурном отношении.

Нарисованная картина показывает, что перед исследователем открываются достаточные просторы и для рассмотрения процессов взаимодействия различных традиций на огромных территориях изучаемой части Евразии, исторически являвшейся коридором трансазиатских и трансконтинентальных культурных и торгово-экономических связей, сформировавшим здесь многоцветную и самобытную культуру. В соответствии со сказанной целью авторского коллектива выпусков сборника является анализ комплекса проблем, связанного с процессом преемственности и динамики культурных традиций, обычаев, ритуалов и религиозных представлений народов Центральной Азии в условиях исторических перемен, включая и современные процессы.

Сформулированная цель определяет палитру задач проекта в религиозном, этнокультурном и этносоциальном аспектах. В религиозном плане интерес, в первую очередь, представляют такие ключевые проблемы, как религиозное многообразие в регионе, сюжеты, относящиеся к соотношению ислама в его едином и региональном аспектах (внимание должно быть сконцентрировано главным образом на выявлении специфики центрально-азиатской формы этой религии), исследование бытования доисламских верований и представлений внутри центрально-азиатского (регионального) ислама и т.п. Другой круг проблем связан с изучением ислама времен российской колонизации, спецификой бытования этой религии в советское и новое (постсоветское) время.

В плане исследования социальных институтов привлекательными кажутся, например, формы и механизмы их устойчивости и трансформации начиная от прихода в регион русских, оказавших, как уже говорилось, позитивное влияние на культуру и быт местного населения, и до наших дней. Необходимо проследить утрату одних явлений и возникновение других (новых) в социальной жизни народов изучаемого региона. Частью этой проблемы является наблюдаемое сейчас расширение процессов феминизации ряда трудовых процессов и аграрных ролей, традиционно ассоциировавшихся с активностью мужчин. Не меньшее значение имеет изучение миграционных процессов как ключевого на сегодняшний день фактора межнациональных, межкультурных и межконфессиональных отношений. Миграционные процессы последних десятилетий (в основном из государств Центральной Азии в Россию) принимают масштабный характер. Данная проблематика ждет своего исследования в ключе: а) специфические черты адаптации переселенцев к новым для них условиям пребывания и б) изменения стереотипов их этнического поведения (мышления) под влиянием новой религиозной, языковой и культурной среды. Отдельный блок сюжетов — этапы притока в Центральную Азию русскоязычного населения и влияние этого фактора на культуру, быт и этносоциальные институты местного населения. Одним словом, число изучаемых в рамках данного проекта проблем может быть бесконечным.

Теперь рассмотрим, как статьи, представленные в предлагаемом выпуске, связаны с тематикой проекта. Следует иметь в виду что, первый выпуск

сборник не претендует на решение всего комплекса обозначенных проблем. Приходится повторить, что реализация программы в целом рассчитана на длительную перспективу. Отсюда и впечатление некоторого тематического разнobia в работах авторского коллектива. Но *слитность* этого *разнobia* выражается в рассмотрении сюжетов как элементов историко-культурного опыта под углом зрения их поведения в экстремальных условиях, в нашем случае — в условиях исторических перемен. В этом смысле не имеет принципиального значения, как построить сборник, т.е. из какого набора сюжетов его укомплектовать. Важно, чтобы *общим местом* для него было ощущение преемственности или динамики культурных стереотипов на переломных поворотах истории. К тому же, проявления общего места, отразившегося в религиозных и мировоззренческих системах, оказываются ощутимыми не столько в одном, сколько в наборе различных по звучанию материалов.

В статье авестолога В.Ю. Крюковой ставится проблема роли жертвоприношения в традиционной культуре ираноязычного населения Центральной Азии. На материале обширного круга источников, в частности древнейших памятников — Авесты и Ригведы, зороастрийской богословской литературы на среднеперсидском языке, сочинений мусульманских авторов и этнографических данных, автор прослеживает символическую функцию ритуала жертвоприношения с глубочайшей древности и до наших дней. Особое внимание В.Ю. Крюкова уделяет сохранению древних идей и элементов обряда и тем изменениям, которые произошли при смене населением конфессиональной принадлежности. Жертвоприношение автором рассматривается в нескольких срезах — как главенствующий ритуал древних культов и основа этнографически засвидетельствованных календарных, сельскохозяйственных обрядов и обрядов жизненного цикла, а также тех сфер жизни традиционного общества, которые, как правило, относят к обыденному пространству. Вместе с тем исследуются соотношение и взаимовлияние официальных религиозных предписаний (зороастризм, ислам) относительно жертвоприношения и традиционных обрядовых действий. Вывод, к которому приходит В.Ю. Крюкова, сводится к тому, что, подобно тому как в древности жертвоприношение играло главную роль в религиозной жизни общины, всякий раз являясь воспроизведением первоначального акта творения, служа, таким образом, залогом продолжения существования мира, на всем протяжении истории центрально-азиатских народов оно сохраняло позиции своеобразного каркаса ритуальных систем. При переходе населения Центральной Азии в ислам жертвоприношение стало, скорее, связываться с обычным правом. Тем не менее, считает автор, в религиозной и культурной сфере большое значение приобрела идея жертвенности, в сущности близкая древнейшей концепции жертвы небесным силам.

М.Е. Резван рассматривает проблему включения коранических текстов в комплекс магических практик и представлений, характерных для мусульманского населения Центральной Азии. Заявленная тема предполагает рас-

смотрение понятия магии, зафиксированного нормативным исламом. Автор обращается к вопросу о том, каким образом Коран вписывается в систему *'илм ал-гайб*, комплекс мусульманских «наук о сокровенном», одним из немаловажных аспектов которого является искусство изготовления талисманов. Это «знание» (арабское *'илм*) или «наука» регламентирует способы изготовления и применения разнообразных предметов, призванных играть охранительную функцию. М.Е. Резван интересуют те из них, сакрализация которых осуществляется благодаря нанесению на них коранических текстов. Эта группа предметов (в статье представлены миниатюрные Кораны, использовавшиеся в качестве амулетов, магические таблицы, рубахи-талисманы, медицинские чаши, ювелирные украшения) представляет значительный интерес для исследователя, являясь прекрасным образцом взаимовлияния местных традиций и привнесенной новой религии и ее священного текста. Анализируя содержание этих надписей, М.Е. Резван приходит к выводу, что на магических предметах можно обнаружить весь текст Корана. Таблицы, завершающие статью, позволяют составить своего рода рейтинг популярности различных коранических отрывков, а также определить сферу их использования.

Проблема устойчивости культурой традиции или, наоборот, ее трансформация в условиях глобальных перемен заинтересовала также Н.С. Терлецкого, работа которого построена на актуальном для центрально-азиатской проблематики материале. В центре его внимания — практика паломничества (*зийарат*) верующих к почитаемым объектам (*мазарам*), широко распространенная в мусульманском мире. Автор сконцентрирован на рассмотрении связи доисламских традиций и мусульманской практики паломничества и поклонения. Он считает, что не-исламские (доисламские) традиции, ныне составляющие органическую часть мусульманской религии, не только повлияли на существующую в рамках этого учения практику паломничества и поклонения могилам или прочим сакральным объектам, связанным с именами выдающихся деятелей, но и во многом способствовали формированию культа святых. Широкие временные рамки своего исследования Н.С. Терлецкий объясняет непрекращающейся до сих пор полемикой (как частью поисков идеальной модели ислама) об отношении к культу святых. Автор также определяет роль исламского мистицизма (суфизма) в создании идеологической концепции *зийарата*. Интерес представляет и выполненный им перевод с персидского языка памятника письменности, представляющий собой сочинение о правилах ритуального посещения *мазаров*. Выполненный им перевод довольно удачно дополняет текст его статьи.

Направленность статьи К.С. Васильцова, обратившегося к системе цветовой символике в культуре ираноязычного населения Центральной Азии, определена цитатой из сочинения Гете, сказавшего, что иногда достаточно «увидеть знакомые сочетания цветов, чтобы почти безошибочно определить этническую принадлежность предмета материальной культуры». По мнению автора статьи, обычно этническое предпочтение тех или иных цве-

тов сопровождает человека (социум) от начала его истории. Бывает, что те или иные колористические концепции внедряются в культуру и в результате глобальных перемен. Показателен зеленый цвет, который для одного миллиарда последователей пророка Мухаммада является символом их религии. В некоторых случаях, в особенности, когда цвет выступает символом государственного образования, его долговечность зависит от прочности самого строя. Пример — судьба красного флага СССР, на смену которому пришли триколоры, олицетворяющие центрально-азиатские государства, образовавшиеся на постсоветском пространстве. В обычных условиях в основе этнической палитры лежит сложная система поверий и представлений. Благодаря этому обстоятельству она переживает тысячелетия, сопровождая создателя культуры на протяжении всей его истории. Такое понимание позволило К.С. Васильцову сосредоточиться на религиозных аспектах цветовой символики, когда цвет выступает выражением той или иной обрядовой практики. В основу его работы положены персоязычные письменные источники, сочинения по преимуществу религиозного характера, поэтические произведения классиков литературы ираноязычных народов, а также данные этнографической литературы. При таком подходе появляется возможность проследить черты устойчивости элементов цветового символизма в культуре на протяжении длительного периода времени, в данном случае начиная с раннего средневековья, хронологически совпадающего со временем составления использованных в работе письменных источников.

В смысле бесконечной цепи преемственности определенных устойчивых черт культуры с названными выше работами В.Ю. Крюковой, М.Е. Резван, Н.С. Терлецкого и К.С. Васильцова перекликается и статья автора этих строк. Предмет рассмотрения — числа, а именно — символическая троичность в свадебной обрядности, традиционной знахарской практике и некоторых других сферах культуры таджиков. Обращение к этому сюжету продиктовано, главным образом, необходимостью приближения к пониманию идейной основы церемонии обведения невесты (или невесты и жениха вместе) вокруг костра на ее пути к дому жениха. Сопоставляя широкий круг сведений об актуализации этой нумерологической единицы в разных сферах культуры изучаемого народа, автор заключает, что троекратное обведение новобрачных вокруг ритуального костра символизирует великое множество символических единств, в числе которых триединство семьи в различных вариантах ее составляющих. Предположительно, это функциональная целостность «отцовства — материнства — детства», «материнства — супружества — хозяйствования», «дома — поселения — округа», «семьи — семейного клана — группы (межобщинного коллектива)», «космического — ритуального — нравственного» и т.п. Что касается ритуального костра, он, по логике вещей, должен восприниматься членом единства трех огней (и очагов) — семьи, семейного клана и группы, которым соответствуют дом, поселение и округ. Нет сомнений, что рассматриваемые явления своими корнями восходят к элементам наследия доисламского развитого

культы огня у иранцев. Автор также обращает внимание на проявление «возвращения» в последние годы существования СССР такого явления, как запрещенная в 20-е годы прошлого столетия «гадательная практика».

Из изложенного видно, что изучение любого феномена культуры в исторической перспективе неизменно влечет за собой изучение и соответствующей мировоззренческой системы и ценностных ориентиров общества. В соответствии с этим И.В. Стасевич ставит задачу проследить динамику изменения статуса женщины в культуре казахов в XIX – начале XXI вв. В начале XIX столетия в казахской среде появляются первые письменные своды обычного права (*адат*), составленные российскими чиновниками. В советский период традиционная культура казахов подвергалась направленному разрушению. Несмотря на перевод казахского этноса на оседлый образ жизни, введение официального советского законодательства и запрещение адата, кардинальным образом повлиявшего на культуру местного населения, некоторые традиционные институты (полигамия, левиратный брак, выплата калыма и др.) продолжали существовать; они существуют и в новое (постсоветское) время. Таким образом, выбранные И.В. Стасевич хронологические рамки исследования позволяют ей проследить изменения в статусе женщин у казахов на протяжении почти двух столетий под влиянием калейдоскопа перемен: а) исламизации региона; б) внедрения в традиционную правовую систему казахов норм царской России; в) установления единого законодательства советского периода; г) законодательных актов независимого Казахстана и, наконец, д) некоторых традиционных норм обычного права кочевников в современном казахском обществе.

В смысле хронологических рамок к работе И.В. Стасевич в некоторой степени близка и статья В.А. Прищеповой. В центре ее внимания аспекты визуальной антропологии Центральной Азии. Речь идет о явлениях, запечатленных в фотографиях российских исследователей этого региона начиная с 70-х годов XIX в. Они хранятся в иллюстративных фондах отдела Центральной Азии МАЭ РАН. Из огромной массы фотографий В.А. Прищепова остановила свой выбор на тех, которые характеризуют такие мало исследованные институты, как проституция, гарем и *бача* (букв. «мальчик»). Что интересно, институты гарема и *бачей* как атрибуты двора местных правителей существовали одновременно. Их дополняло освещенное религией многоженство. В своем классическом виде названные институты, раскрывавшие черты сексуальной жизни в высших слоях центрально-азиатского общества, остались в прошлом, хотя их исчезновение в разных районах происходило в разное время. В областях, подвластных царской России (западный Туркестан), они прекратили свое существование вместе с колонизацией края, соответственно, с введением прямого колониального управления. Что касается бухарского эмирата, где Россией было установлено косвенное управление, гарем и *бача* просуществовали вплоть до свержения династии кочевых мангытов уже после октябрьских событий 1917 г. в Петрограде. После обретения бывшими центрально-азиатскими

республиками статуса независимых государств проституция и нелегальное многоженство процветают. Многоженством грешат в основном «должность имеющие лица» и местные *джадиды* («новые»). В.А. Прищепова пока находится на стадии осмысления накопленного материала. Следовательно, ее статья носит характер, так сказать, пробы пера по сюжету.

Под рубрикой «Из истории науки» помещены статьи Г.Н. Симакова и И.В. Стасевич, а также Н.С. Терлецкого и К.С. Васильцова, посвященные, соответственно, С.М. Абрамзону и Э.Г. Гафферберг. С.М. Абрамзону исполнилось бы 100 лет в 2005 г., а Э.Г. Гафферберг — в 2006 г. Жизнь и научное наследие этих замечательных представителей отечественной этнографической науки XX столетия, создавших фундаментальные работы по культуре народов Центральной Азии, представляют собой веху истории изучения региона. Ныне на их трудах учится новое поколение исследователей района в центре Азии. Все это делает уместным статьи, посвященные С.М. Абрамзону и Э.Г. Гафферберг, поместить в сборнике, проблематикой которого является традиция в условиях перемен. Это тем более необходимо, что научные труды этих ученых — яркий пример исследования проблем этнографии народов региона переходного периода.

В целом, представленные в сборнике публикации показывают, что задуманный проект имеет хорошие перспективы, связанные с успешными исследованиями в намеченном направлении.

Р.Р. Рахимов

¹ Социальные корни современного исламизма раскрываются в работе С.Н. Абашина (см.: Абашин С.Н. Социальные корни среднеазиатского исламизма (на примере одного селения) // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Ред. М. Олкотт, В. Тишков, А. Малашенко. М., 1997. С. 447–467).

² О дефинициях «ислам единый» и «ислам региональный» см.: Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М., 2004. С. 375–378.

³ Этот вопрос затронут в некоторых заметках автора. См.: Рахимов Р.Р. 1) Мухаммад и Вильгельм: заветы пророка и кайзера о женском предназначении // Тезисы докладов V Конгресса этнографов и антропологов России. М., 2003. С. 188; 2) О специфике пути в храм у таджиков // Международный Конгресс востоковедов ICANAS XXXVII: Тезисы. М., 2004. Ч. I. С. 328–330; 3) Традиция в условиях перемен (на примере отношения к огню у современных таджиков) // VI Конгресс этнографов и антропологов России (28 июня — 2 июля 2005 г.): Тезисы. СПб., 2005. С. 218–219.

⁴ Некоторые аспекты традиционного женского затворничества затронуты нами в отдельной публикации (см.: Рахимов Р.Р. «Завеса тайны» (О традиционном женском затворничестве в Средней Азии) // ЭО. 2005. № 3. С. 4–19).

⁵ Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. С. 494.